

Майкл МакКормик

Карл Великий и Лев III: встреча в Падерборне в 799 г.

Репрезентация королевской власти и визуализация одной концепции правления

1200 лет назад в Падерборне встретились бежавший из Рима израненный папа Лев III и самый могущественный государь Европы франкский король Карл Великий¹. Один из современников — создатель так называемого «Эпоса о Карле»² — нарисовал живую картину этой встречи³. Сын франкского государя (и сам король Италии) был выслан вперед, чтобы приветствовать папу и сопроводить его к лагерю франков⁴. Там выстроилось войско — верхом на конях и при полном снаряжении. Оно стало в широкий круг⁵ и со штандартами и оружием в руках ожидало папу. Навстречу приближающемуся понтифику выступили тремя рядами духовные лица в длинных одеяниях⁶ — они пели гимны, а в руках держали выносные кресты⁷. Папа вступил внутрь огромной окружности из воинов и подивился бесконечному разнообразию костюмов и наречий собранных во франкском войске народностей⁸. В центре этого круга возвышалась впечатляющая фигура самого франкского короля. Карл Великий выступил вперед, чтобы приветствовать папу Льва III. На глазах у всех собравшихся воинов великий король смиренно бросился к ногам папы⁹, а тот вместе с клириками из королевского окружения запел антифон *Gloria in excelsis Deo*¹⁰. Оба мужа поцеловались, обнялись и протянули друг другу руки. Все войско опустилось на колени и последовало за своим царственным государем: троекратным земным поклоном оно выразило почтение беглому епископу Рима. Папа ответил троекратным благословением войск¹¹, после чего вместе с королем направился к церкви, чтобы отслужить мессу. Перед церковным порталом франкские клирики¹², возможно, даже исполнили знаменитые *Laudes regiae*¹³ — гимнические аккламации, и повторяющийся в них рефреном стих «Христос побеждает, Христос царствует, Христос повелевает» звучал как моление

Господу, чтобы он милосердно даровал папе, франкскому королю и его воинству жизнь и победу.

Даже всего лишь краткий пересказ происходившего в Падерборне в 799 г. ясно показывает, что ничто в процедуре встречи папы Льва III не было отдано на волю случая. В этой грандиозной продуманной инсценировке древние «жесты» были связаны друг с другом на новый и особенный лад. Они оказались наиболее подходящими, чтобы продемонстрировать, насколько рубежным и значительным должно было стать это мгновение для истории каролингской Европы. Войско, наблюдавшее за происходящим, но, скорее всего, не понимавшее ни единого слова, смогло благодаря комбинации символических жестов получить ясное и незабываемое представление о том, как король понимает и собственный статус, и место римского папы в мире. То же самое справедливо и для нас, не присутствовавших при том событии, поскольку эта встреча описана языком ясных зрительных образов, вполне способным передать сущностное содержание власти обоих государей. Так что же говорится нам на этом языке церемоний — о той власти и о том обществе?

Одна из важнейших задач власти состоит как раз в том, чтобы власть символизировать. Способность Карла завоевывать власть и реализовывать ее — к тому же весьма бесцеремонно — была очевидна для его современников точно так же, как и для нас сегодня. Карл Великий, опираясь на прочный фундамент, заложенный его отцом, и сплотив ради общей цели склонные к ссорам кланы из франкской элиты и союзных этнических групп, сумел расширить круг верных себе лиц. В результате ему оказалась подвластна территория площадью более миллиона квадратных километров, населенная многими миллионами подданных. Разумеется, сколь велики были географическая протяженность и ресурсы его державы, столь же неопределенными и зыбкими оставались ее же институционные структуры. Впрочем, в течение всего правления Карла Великого, отмеченного постоянной экспансией, его современникам не дано было знать, есть ли предел счастью франков и когда его ожидать, сможет ли когда-нибудь увенчаться успехом возможное восстание. Столь же мало догадывались они и о том, будет ли вдруг насильственно оборвана жизнь

государя (чья личность и связывала все воедино), как это уже произошло со многими из его окружения¹⁴.

Возможности управлять огромной территорией франкской империи были весьма ограничены. Франкское общество не представляло собой институционализированного целого, но составляло «Personenverbandstaat» — сообщество, построенное на личных союзах. В распоряжении правителя было очень мало средств заставить народ исполнять свою волю — к тому же они не отличались особой эффективностью. Административный аппарат его «правительства» был слабо развит, да и вообще можно ли о нем всерьез говорить: значительной частью Европы управляли несколько сотен — от 400 до 800 — епископов и графов¹⁵. Персонал же собственно королевской канцелярии ограничивался 5—10 людьми (для сравнения: римским императорам требовалось 396 человек для управления одной только Северной Африкой)¹⁶. К тому же для поддержания коммуникации на столь далеких расстояниях требовались очень большие усилия: несмотря на все старания Каролингов по улучшению транспортной инфраструктуры, поездка в Рим и обратно все еще занимала от 8 до 12 недель¹⁷. Как подчеркивал Герд Телленбах, всякая политическая инициатива требовала от короля способности убеждать с тем, чтобы мог возникнуть некоторый консенсус по ее поводу¹⁸. Иными словами, у короля были связаны руки до тех пор, пока он не добивался согласия всех тех, кто должен был следовать за ним.

Задачи, стоявшие перед Карлом в то время, представлялись вряд ли разрешимыми — скорее обескураживающими, — но сложившиеся исторические обстоятельства требовали их скорейшего решения. Прежде всего необходимо было заняться главной проблемой — легитимацией каролингской династии. В собственно франкских землях еще не было забыто, что король Пипин, отец Карла Великого, лишил власти легендарных меровингских королей, правивших в коренных землях его державы почти четыре столетия. Именно поэтому всего за несколько лет до встречи в Падерборне при описании низложения последнего франкского короля из рода Меровингов в 751 г. один придворный хронист высказывал страстную заинтересованность франков в хороших отношениях с римским папой¹⁹. Согласие папы на смену династии во франкской державе

должно было выглядеть как его собственное свободное решение, а не как навязанное ему Каролингами.

Тем же можно объяснить и введение новой церемонии, в ходе которой короля помазывали освященным маслом. Этим способом нужно было отделить новую правящую династию от остальной знати, из рядов которой она сама же и вышла. Однако за пределами исторического ядра франкских владений всякий успех Каролингов и их союзников воспринимался со скепсисом и заново поднимал вопрос об их легитимности. Каждое завоевание Каролингов влекло за собой необходимость утвердиться над знатью новоприсоединенных этнических групп. Чтобы включить эти элиты в политические структуры империи и добиться от них верности завоевателю, их следовало либо привлечь на свою сторону, либо уничтожить. Дополнительная сложность составляло то, что эта новоприобретенная знать была очень разной: разными были законы, обычаи и этническая принадлежность; помимо всего этого, царил еще и множественность языков — от протороманского, испытавшего к тому же сильное воздействие греческого, в Истрии до древнесаксонского диалекта в окрестностях Падерборна.

В этом историческом контексте понятие «слава» оказывается связанным отнюдь не только с чьим-то самодовольством, высокомерием или гордыней. До сих пор слишком мало внимания было уделено роли славы — «доброй славы» правителя — в том обществе, которое едва поддавалось управлению. Автору «Эпоса о Карле» была понятна роль «почтения» к королю, и он весьма настойчиво ее подчеркивал²⁰. Он поступал совершенно правильно — ведь лишь очень немногие подданные могли когда-либо увидеть своего государя, и соответственно их оценка его персоны должна была служить важным свидетельством «излучения власти» короля. Устные рассказы о богатстве Карла Великого, о его мудрости и строгом (правоверном) благочестии побуждали людей из всех социальных слоев подчиняться приказаниям этого государя. Возможно, еще сильнее на сознание его подданных воздействовали сообщения о жестокости, с которой король беспощадно уничтожал своих врагов. Вряд ли кто-нибудь из окрестностей Падерборна мог забыть, что в 782г. в Фердене на Аллере по приказу великого короля (согласно его же собственным придворным

анналам) всего за один день было казнено 4500 саксонских повстанцев²¹. Человек, столь хладнокровно расправившийся с восставшими саксами, очевидно, высоко ценил применение насилия в качестве средства устрашения. Во всяком случае, сочинитель «Эпоса о Карле» высказывается по этому поводу без обиняков²².

К способности Карла Великого реалистично и эффективно реализовывать свою политическую мощь добавлялась его личная склонность использовать власть и в ее символическом значении. Подробный анализ его способов репрезентации власти еще предстоит провести на основе исследований Перси Эрнста Шрамма, Эрнста Хартвига Канторовича и Флорентины Мютерих²³, как и более новых работ. При этом надо будет изучить все символы, инсигнии и ритуалы королевской власти и рассмотреть вопрос, как шло их развитие в конце VIII — начале IX в. Но цель такого исследования состояла бы еще и в том, чтобы в деталях проследить и исторические корни этих символов, и пути их переноса — из позднеантичного наследия франкской Галлии, церемоний византийских провинций Италии, а в более редких случаях и в качестве прямых заимствований из Константинополя того же самого времени. Однако и падерборнская церемония приема папы сама по себе может позволить хотя бы отчасти приблизиться к ответу на заданные вопросы.

При анализе церемоний исследователь должен обратить свое внимание прежде всего на публику. Затем следует восстановить точный «вокабуляр» ритуала, описывающий церемонию в ее фактическом исполнении и, наконец, рассмотреть конкретный исторический фон. Разобрав эти три пункта вместе, мы в конечном итоге сможем понять смысл инсценировки в целом. Публику в Падерборне составляло войско, собранное со всех — даже самых отдаленных — концов державы. «Целевой группой», к которой король обращался, было именно войско — на что вполне определенно указывает то необычное обстоятельство, что ему было приказано выстроиться в огромный круг. Тем самым большей части воинов была предоставлена возможность собственными глазами увидеть эту встречу. Социальный состав каролингского войска требует еще пристального изучения. Однако мы знаем, что независимо от теоретически существовавшей обязанности всех свободных людей служить в войске высокие расходы на

снаряжение, коней и оружие, так же, как и основное бремя военных походов были переложены на тех, кто занимал в обществе лучшие позиции — т. е., на знать²⁴. Соответственно публика в тот летний день в Падерборне состояла преимущественно из знати и ее свиты. Сыновья знатных были обучены конному бою, их дух был закален и настроен на такие воинские добродетели, как сила, сноровка и мужество. Ведь даже каролингские рукописные Псалтири, например Утрехтская или Штуттгартская, а также рукопись книги Маккавеев из Лейдена изображают много сцен с участием вооруженных воинов. **(Илл. 1)** Тем самым, войско составляло элиту каролингской державы и представляло собой тот слой, от которого Карлу Великому и необходимо было всякий раз добиваться политического согласия.

Если бы мы были в 799 г. в Падерборне посреди огромного войска или же среди членов папской «делегации», мы смогли бы и сами без труда узнать короля. Исследование его костей показало, что Карл Великий в самом что ни на есть буквальном смысле слова *превосходил* большинство собравшихся в тот день людей — просто в силу его впечатляющего физического облика (рост 1,92 м)²⁵. Впрочем, если бы он и не был столь высок, его современники все равно должны были бы смотреть на него снизу вверх: хотя король и говорил со своими подданными сидя, но с высокого трона²⁶, как, например, с того, что он приказал построить в Ахенской дворцовой капелле. Такой трон (правда, возможно, только оттоновского времени) стоит еще и сегодня в верхней галерее Ахенского храма. **(Илл. 2)**. Но и вне стен пфальца на короля должны были взирать снизу вверх, поскольку при его непрерывных разъездах по всем частям Европы его можно было видеть, как правило, по большей части верхом на коне. **(Илл. 3)**

Карл, разумеется, был самым состоятельным человеком во франкском обществе и соответственно был одет в наряды из самых дорогих тканей. Его биограф Эйнгард придерживается мнения, что Карл надевал «римские», т. е., византийские, одежды и сандалии только тогда, когда бывал в Риме. **(Илл. 4)** В обществе, где по платью можно было определить, к какой народности человек принадлежит, отказ франкского короля временами от традиционного франкского костюма имел немалый смысл. Сколь бы простым и «франкским» ни был вкус короля, его туника всегда была из переливающегося шелка, а меч, отделанный

золотом и серебром, украшали драгоценные камни. Зимой он носил лучшие меха²⁷. Его конь — во франкском обществе и сам по себе символ высокого ранга и определенного жизненного стиля — был всегда изобильно украшен золотом²⁸. Если бы и всего этого было недостаточно, чтобы опознать государя посреди его войска, то, помимо прочего, Карл носил на голове еще и золотую корону²⁹. Так что собравшиеся зрители должны были сразу узнать великого правителя, едва он занял место в центре большого круга из воинов вслед за рядами клириков.

Второй ключ к пониманию падерборнской встречи дают специфические особенности ее церемониала. Общую рамку всего ритуального действия составляла античная праздничная церемония *Adventus*, проводившаяся обычно в больших и малых городах при прибытии туда римского императора, его наместника, а со временем даже реликвий святых и сохранявшаяся в различных формах в раннесредневековой Европе. Новый блеск и новую динамику древнему ритуалу придала церемония встречи Карла Великого папой Адрианом I в Риме на Пасху 774 г., обратившая на себя внимание современников. Когда же Карл Великий в 799 г. выслал своего сына приветствовать подъезжавшего папу Льва III и сопровождать его вместе со спутниками, он следовал недавно возникшей франкской традиции. Примерно полвека назад его отец отправил 12-летнего принца Карла в Сен-Морис, чтобы приветствовать папу Стефана II в королевстве франков и сопроводить его к отцу³⁰. Следуя позднеимперскому церемониалу, унаследованному раннесредневековой Европой, тот, кто ниже статусом, должен выступать вперед, чтобы приветствовать лицо выше его по рангу³¹. Тем самым Карл Великий недвусмысленно дал понять, что его сын, король Лангобардский, подчинен епископу Рима. Однако то, что Карл ожидал папу, стоя в середине своего войска, исполнено амбивалентного смысла.

Тем не менее, когда папа приблизился, Карл совершил перед ним то, что по давней традиции делали императоры по отношению к великим святым. Карл выехал вперед, приветствуя папу, а затем, сойдя с коня, выполнил древнейший жест проскинезиса, известный с позднеимперских времен как *adoratio*. Исполнившись смирения и почтения, государь бросился к ногам³² епископа Римского. Этот широко распространенный в позднем Риме жест интенсивной мольбы (еще и сегодня используемый римско-католической церковью при

рукоположении в священство) может показаться нам странным, но в тогдашнем европейском обществе он был весьма широко распространен³³. Смысл этого жеста был очевиден всякому, участвовавшему в церемонии встречи и видевшему великого завоевателя распростертым на земле перед бежавшим из Рима папой. Затем король и папа обнялись и поцеловались, как было принято у достойных мужей. И воспроизводя старинный римский жест заключения союза, они подали друг другу руки. Войско усилило значение жеста своего короля, совершив в свою очередь троекратный проскинезис перед обоими мужчинами. Ровными размеренными шагами (т. е., ни один не обгонял другого) Лев III и Карл Великий направились в церковь, тогда как клирики, ожидавшие, стоя перед ней рядами, начали песнопения. «Блаженный Карл»³⁴ ввел папу в церковь. Там папа отслужил святую мессу в соответствии с римской литургией — именно так, как Карл Великий собирался предписать для всех алтарей по всей Европе.

Эти древние ритуальные элементы возникли далеко от Падерборна, однако они стали составной частью каролингской культуры. Научные исследования позволяют проследить развитие этих ритуалов и отдельные его стадии от императорского двора в Константинополе до провинциальных церемоний византийских должностных лиц или ритуалов христианского клира. Двумя основными источниками для каролингских церемоний послужили, во-первых, позднеримские обычаи, воспринятые и развитые далее в меровингской Галлии, а во-вторых, римско-византийские ритуалы, сопровождавшие появление на людях высоких должностных лиц в византийской Италии и, в частности, в римской церкви. Однако значение здесь имеет не только историческое происхождение того или иного элемента ритуала, но также и конкретный способ его включения в визуальное послание.

Церемониал падерборнской встречи внушал в символических образах главные ценности и основания каролингской власти собравшемуся войску — а значит, вассалам Карла Великого, от чьего согласия и единодушного мнения король всецело зависел. Очевидно было, что король верен и, более того, послушен Петру, могущественному князю апостолов, культ которого в державе франков получил широкое распространение. Но точно так же и папа в качестве представителя Петра на земле дал ясно понять, что и князь апостолов Петр в

свою очередь верен государю и что его преемники на священном престоле зависят от власти Карла Великого. Литургическое обрамление всей церемонии, т. е. вынесение крестов, пение Gloria, благословения и антифональные песнопения, как и само евхаристическое действие, подчеркивало, что центр культурного и политического самоопределения империи составляло почитание Бога. В то же время оно напоминает историку, что клирики были главными советниками короля в церемониальных вопросах, а это объясняет выражено литургический характер происхождения новых ритуальных форм³⁵. Согласно желанию государя, и почитание и моление были устроены по римскому обыкновению, а не в соответствии с традициями местной или же галльской литургии. На каких бы наречиях ни говорила собравшиеся знатные всадники, им и без слов был очевиден смысл как отдельных жестов, так и всего хода взаимного приветствия обоих мужей. У них не могло остаться ни малейшего сомнения относительно положения их великого короля, когда они увидели, как папа в его присутствии запел Gloria и как король в ответ проявил доверительнейшее отношение к самому достопочтенному «святому» в Европе, преемнику Петра в Риме. Воистину он был *beatus Karolus* — блаженный Карл, как назвал его создатель «Эпоса о Карле».

Третий момент, существенный для понимания церемонии в Падерборне, проясняется при рассмотрении ее непосредственного современного контекста. В 799 г. Карл Великий пребывал на вершине власти. Но власть его отнюдь не была застрахована от внешних потрясений. Как раз ко времени встречи в Падерборне уставшее от войн войско было созвано в 22-й раз на памяти одного поколения для подавления очередного восстания негнбимых саксов. И королевские распоряжения, и кое-какие указания современных Карлу хронистов ясно дают понять, что требование короля собрать войско для предстоящего похода вовсе не обязательно автоматически выполнялось. Многие медлили, появлялись неохотно, когда снова речь шла о подавлении нового мятежа упрямого врага³⁶. Но в те летние дни ожидалось, что предстоит поход на Рим с целью восстановить изгнанного папу в его сане. Некоторые из присутствовавших в тот день членов ближайшей свиты короля лично знали того самого племянника любимого многими папы Адриана I, что принял участие в покушении на папу

Льва III. Посланцы мятежников выдвинули свои обвинения против папы³⁷. На вопрос о том, кто прав в этом конфликте, а кто нет, не было столь простого ответа, как позже изображали представители короля. Конечно, весть о том, что благодаря чуду папа исцелился от ослепления и вновь обрел язык, воспринималась в качестве важного знака Господнего. Однако и мнение самого короля было для всех очевидно. Церемониальное приветствие папы представляло собой первый шаг к тому, чтобы добиться согласия элиты франкской державы на прямое вмешательство, в случае необходимости силовое, и к тому же в Риме, где у франков до сих пор не было сколько-нибудь надежной поддержки.

Прием в Падерборне показывает, как использовались церемонии и символы власти при случавшихся то и дело политических переговорах. Применение такого рода «государственной символики» отнюдь не ограничивалось редкими встречами с папой. Ведь даже церемонии более или менее повседневного свойства использовались для демонстрации королевской власти и королевского богатства. Так, обычной церемонией во многочисленных, вновь построенных дворцах — как в основном ядре франкских земель, так и за его пределами — становились аудиенции иностранным послам. Сюда же можно отнести и ежедневное присутствие государя на церковной службе, и, прежде всего, по главным праздникам во время особенно пышных торжеств, проводившихся в капеллах новых пфальцев и в епископских соборах. Во время королевской охоты — а она представляла собой для франкского высшего слоя вид «национального» развлечения — государь и его семья представляли взорам своих приближенных, собранных со всей империи, в самом блистательном виде, как описано тем же сочинителем «Эпоса о Карле»³⁸. Пожалуй, наиболее впечатляющим жестом было участие короля с его войском в литургических процессиях, во время которых раздавались *Laudes regiaе* и возносились униженные моления к Богу и святым о даровании жизни и победы в предстоящей борьбе³⁹. Не скрывается ли здесь указание на магическую харизму древнегерманских военных вождей? Или же все это действие было списано со страницы какой-нибудь церемониальной книги из византийской империи?

Возможно как то, так и другое, причем альтернативные варианты не исключают один другого.

Итак, можно сказать, что репрезентация правителя перед зрителями, т.е. прежде всего перед столь важной для него знатью, проясняла смысловое наполнение его власти. Но поскольку большинство подданных Карла Великого, скорее всего, никогда не видали своего правителя, то к ним король обращался иными способами. Помимо личной «славы», его выдающееся положение выражали еще и определенные предметы, стоявшие в той или иной связи с его персоной — и они же служили дальнейшему распространению его королевской власти. Его впечатляющие грамоты с печатями, монограммами и таинственными письменами, заглавные буквы в которых были столь велики и своеобразны, что их смысл мог быть, пожалуй, угадан даже неграмотными, недвусмысленно свидетельствуют, что они — *королевские* документы, независимо от того, знали в действительности наблюдатель, что *Litterae elongatae*⁴⁰ происходят от тех букв особой формы, что столетиями ранее предупреждали видевшего их, что данный документ исходит от римских властей⁴¹. То же самое относится и к королевской монете, за которой Карл Великий на протяжении своего правления осуществлял строгий контроль. На единственно официально признанных во франкской державе в 799 г. монетах не было портрета правителя⁴². Их основными изображениями в окружении имени Карла были крест и знаменитая монограмма короля — являющаяся сама по себе приспособлением византийского образца, сложившегося еще во времена императора Юстиниана (527—565). Тем самым облик монет говорил о том, что их чеканит этот король и что само его имя связано с главной эмблемой христианства — крестом. И еще один «способ общения» короля и подданных заключался в той клятве на верность, принести которую отныне был обязан каждый мужчина в королевстве — она стала новым и сильным средством осуществления нового и сильного сорта власти⁴³.

Но самым впечатляющим и, пожалуй, самым продолжительным средством воздействия короля на сознание его народа, разбросанного на больших пространствах, были еженедельные богослужения. От крестьян и епископов, от купцов и графов, от всех крещеных мужчин, женщин и детей требовалось, чтобы

они посещали церковь каждый воскресный и праздничный день. А там должны были возноситься молитвы за короля и его войско. Не случайно Карл Великий прилагал такие усилия, чтобы духовные усилия всего народа связать с собственными деяниями при помощи литургических процессий, во время которых подданные должны были, помимо прочего, петь и *Laudes regiae* — т.е. молиться за короля и его успехи⁴⁴.

Таково было положение в 799 г., но немногим более чем через год оно совершенно изменилось — рождественским днем 800 г. папа Лев III, выступавший ранее в качестве просителя, короновал Карла Великого императором в базилике св. Петра в Риме. Эту церемонию анализировать здесь нет возможности. Тем не менее и в данном случае необходимо присмотреться к публике, присутствовавшей при том событии. Она состояла прежде всего из римлян и членов римской курии, только что переживших драматическую «революцию» и ее поражение, помимо которых важную роль играла опять-таки франкская элита⁴⁵. Поэтому новые отклонения от традиции следует рассматривать именно в римском контексте. Византийцы, конечно же, сильно подивились бы этой церемонии, судя по всему, не следовавшей обычному в Константинополе ритуалу⁴⁶. Но во всяком случае для Карла Великого она имела большой смысл. Теперь он мог пользоваться императорским титулом, характерным образом составленным по образцам, применявшимся тогда в византийской южной Италии. Государь, очевидно, отлично сознавал силу воздействия своего нового титула на подданных, ведь он обязал их заново принести ему клятву в верности. Много дипломатических способностей и средств потребовалось, чтобы добиться признания императорского титула в Константинополе, ради чего Карлу пришлось отказаться от претензий на венецианский порт, приобретающий все большее значение⁴⁷. Когда же Карл Великий в конце концов добился желанного признания, о чем посланцы из Византии сообщили ему в ахенской дворцовой капелле, он, вероятно, первым делом изменил облик своих монет. Как и его императорские коллеги в Константинополе, он повелел отныне чеканить на монетах свой портрет, иконография которого не восходила однако, что характерно, к византийским образцам, а прямо воспроизводила образцы позднеримские. Вместо

абстрактного изображения анфас, использовавшегося в Византии в начале IX в., Карл под влиянием классических образцов перенял портрет в профиль⁴⁸. Как созданная им империя, так и его символические представления о власти основывались на совокупности различных образцов, но результат и в том и в другом случае получился в конечном итоге совершенно своеобразным.

¹ Настоящая публикация представляет собой перевод статьи: *McCormick M.* Paderborn 799: Königliche Repräsentation — Visualisierung eines Herrschaftskonzepts // 799 — Kunst und Kultur der Karolingerzeit. Karl der Große und Papst Leo III. in Paderborn. Ergänzungsband zum Katalog der Ausstellung. Mainz, 1999. S. 71—81. Однако в отличие от исходного немецкого текста здесь приводятся ссылки на соответствующие места из источников и литературы.

² *Karolus Magnus et Leo papa* // Monumenta Germaniae Historica. (Далее: MGH) Poetae Latinae aevi Carolini / Ed. E. Dümmler. Berolini, 1881. T. 1. P. 366—379 или же лучшее издание: *Karolus Magnus et Leo Papa. Ein Paderborner Epos vom Jahre 799.* Paderborn, 1966 (Studien und Quellen zur westfälischen Geschichte, 8). S. 55—97. Ср. также: *De Karolo rege et Leone Papa. Der Bericht über die Zusammenkunft Karls des Großen mit Papst Leo III. in Paderborn 799 in einem Epos für Karl den Kaiser* / Hg. von Wilhelm Hentze (Studien und Quellen zur westfälischen Geschichte 36). Paderborn, 1999. См. также описание этого события с римской стороны: *Le Liber pontificalis* / Ed. L. Duchesne. P., 1955. T. 2. P. 4—6. Из новой литературы см.: *Am Vorabend der Kaiserkrönung. Das Epos „Karolus Magnus et Leo papa“ und der Papstbesuch in Paderborn 799* / Hg. von P. Godman, J. Jarnut, P. Johaneck. Berlin, 2002.

³ *Karolus Magnus et Leo Papa.* Строки 426—536 (в последующем ссылки на это сочинение не оговариваются, указываются только строки).

⁴ «Hinc iubet extimplo Pippinum occurrere magno / Pastori...» — 445—446.

⁵ «...modum populum expectare coronae / Praecipit atque aciem hic dividit orbis ad instar» — 489—490.

⁶ «...ternis / Stant divisa choris in longis vestibus» — 483—484.

⁷ «Sacra crucis vexilla levant» — 485.

⁸ «Quam varias habitu, linguis, tam vestis et armis / Miratur gentes diversis partibus orbis» — 495—496.

⁹ «Extimplo properans Karolus veneranter adorat, / Pontificem amplectens magnum, et placida oscula libat» — 497—498.

¹⁰ Le Liber pontificalis... P. 6.

¹¹ «Ante sacerdotem ter summum exercitus omnis / Sternitur, et supplex vulgus ter fusus adorat, / Pro populoque preces ter fundit pectore praesul» — 501—503.

¹² «Ante sacerdotes sacri stant hostia templi / Alternis vicibus modulantes carmina laudum, / Atque creatori grates laudesque frequentant...» — 513—514.

¹³ *Kantorowicz E.H.* Laudes regiae: A Study in Liturgical Acclamations and Mediaeval Ruler Worship. Berkeley, 1946 (University of California Publications in History, 33).

¹⁴ См. вдумчивые замечания о том, насколько исполненным риска был образ жизни светской элиты каролингского общества в кн.: *Bullough D.* Albinus deliciosus Karoli regis. Alcuin of York and the shaping of the early Carolingian court // *Institutionen, Kultur und Gesellschaft im Mittelalter. Festschrift für Josef Fleckenstein zu seinem 65. Geburtstag* / Hg. von L. Fenske, W. Rösener, T. Zotz. Sigmaringen, 1984. S. 73—92; здесь S. 91.

¹⁵ Это самая точная оценка, которую мы сейчас можем сделать: *Werner K.F.* Missus-marchio-Comes. Entre l'administration centrale et l'administration locale de l'empire carolingien // *Histoire comparée de l'administration (IVe-XVIIIe siècles). Actes du XIVe colloque historique franco-allemand* / Ed. W. Paravicini, K.F. Werner. Zürich, 1980 (Beihefte der Francia, 9). P. 191—239, здесь P. 191. К.Вернер, цитируя одно неопубликованное исследование, оценивает количество *pagi* — пагов — в 600-700, во главе большинства которых предположительно стояли графы; это число выше предыдущих оценок; *McKitterick R.* The Frankish Kingdoms under the Carolingians, 751-987. L., 1983. P. 373 — автор перечисляет примерно 150 епископств за пределами имперских территорий в Ломбардии.

¹⁶ Известны имена 18 лиц, работавших в канцелярии Карла Великого в различное время между 769 и 814 гг.: *Bresslau H., Jones A.H.M.* The Later Roman Empire, 284-602. A Social, Economic, and Administrative Survey. Oxford, 1964. P. 590—591.

¹⁷ *McCormick M.* Origins of the European Economy. Communications and Commerce, A.D. 300—900. Cambridge, 2001. P. 480.

¹⁸ *Tellenbach G.* Die geistigen und politischen Grundlagen der karolingischen Thronfolge // *Frühmittelalterliche Studien.* 1979. Bd. 13. S. 184-302.

¹⁹ *Annales regni Francorum inde ab a. 741 usque ad a. 829* / Ed. F. Kurze. Hannoverae, 1895 (MGH. Scriptorum rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi, 6). P. 8 (a. 749);

о помазании см., например: *Jarnut J.* Wer hat Pippin 751 zum König gesalbt? // Frühmittelalterliche Studien. 1982. Bd. 16. S. 45—57, здесь S. 45.

²⁰ «Nomen et hoc merito Karolus sortitur in orbe. / Haec cara est populis lux et sapientia terris; / Omne decus pariter famulis, ornatus et omnis / Exstat honor populi et plebis spes, gloria summa. / Nominis. Hunc olim terris promisit origo...» — 55—59.

²¹ *Annales regni Francorum...* P. 62 (a. 782). Попытка приуменьшить значение этого избиения кажется мне в высшей степени неубедительной. Во всяком случае, записи о нем как в королевских анналах, так и в различных локальных анналах делают очевидным, что сторонники Карла Великого и не пытались его скрывать.

²² «Quod mens leva vetat suadendo animusque sinister, / Hoc saltim cupiant implere timore coacti; / Quod non sponte prius miseri faecere rebelles, / Exercere student avidae instimulante timore» — 41—44.

²³ *Kantorowicz E.H.* The King's Two Bodies. Princeton, 1957; *Schramm P.E.* Die Anerkennung Karls des Großen als Kaiser // *Historische Zeitschrift*. 1951. Bd. 172. S. 449—515. *Schramm P.E., Mütherich F.* Denkmale der deutschen Könige und Kaiser. München, 1962 (Veröffentlichungen des Zentralinstituts für Kunstgeschichte in München, 2).

²⁴ См., например: *Bachrach B. S., Bowlus C.R.* Heerwesen // *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde*. 1999. Bd. 14. Sp. 120—136, здесь Sp. 134—135.

²⁵ «Unctos humeris supereminet altis» — 172. «...equitatus vertice toto / Exsuperat comites». — 418—419.

²⁶ «Ipse sedet solio Karolus rex iustus in alto» — 449; «Rex pius interea solium conscendit et omnem / Alloquitur populum»... — 463—464.

²⁷ *Einhard.* Vita Caroli Magni / Hg. von O. Holder-Egger. Hannover, 1905 (MGH, *Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi*, [25]). P. 27—28 (cap. 23).

²⁸ «Hic phaleratus equus gravidis auroque metallis» — 165; ср.: «...equo ingenti portatur ductor opimus» — 482.

²⁹ «Nobile namque caput pretioso amplectitur auro» — 171; «...aurea crista tegit frontem» — 480. Последнее свидетельствует о том, что на голове Карла, по мнению сочинителя, был украшенный золотом шлем.

³⁰ *Hack A.Th.* Das Empfangszeremoniell bei mittelalterlichen Papst-Kaiser-Treffen. Köln, 1999 (Forschungen zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters, 18). S. 409—458.

³¹ *McCormick M.* Eternal Victory. Triumphal Rulership in Late Antiquity, Byzantium, and the Early Medieval West. Cambridge, 1986. P. 211.

³² «...veneranter adorat» — 497.

³³ Например, как поза при истовом молении: *Ardo. Vita Benedicti Anianensis* / Ed. G. Waitz // MGH. Scriptores. Т. 15. Р. 1. Hannoverae, 1887. Р. 216. Строки 34-37 (сар. 38); или же при выражении почтения святому человеку: *Vita Pardulfi* / Ed. W. Levison // MGH. Scriptores rerum merovingicarum. Т. 7. Hannoverae, Lipsiae, 1920. Р. 30. Строки 11—14 (сар. 9); ср. также, например: *Aedde Stephanus. Vita Wilfridi Eboracensis* / ed. W. Levison // MGH. Scriptores rerum merovingicarum. Т. 6. Hannoverae; Lipsiae, 1913. Р. 259. Строки 8—11 (сар. 63); или же для приветствия короля: *Carmen de Pippini regis victoria avarica* / Ed. O. Holder-Egger, G. Waitz // *Einhard*. Op. cit. Р. 43 (Стих 10); ср., например, синод в Савоньер в 859 г.: *Die Konzilien der karolingischen Teilreiche* / Hg. von W. Hartmann. Hannover, 1984 (MGH. Concilia. Т. 3). Р. 461. Канон 12 и т.д.

³⁴ «Intrat apostolicus, Karlo ducente beato» —519; ср.: «*Ipse autem medio consistit in orbe beatus*» — 491.

³⁵ *McCormick M. Eternal Victory...* Р. 366.

³⁶ См., например: *Capitularia regum Francorum* / Ed. A. Boretius, V. Krause Т. 1. Hannoverae, 1883. (MGH. Leges, Sectio 2). Nr. 50. (2). Р. 137. Строки 16—21 вместе с: *Ganshof F.L. Frankish Institutions under Charlemagne* / Trans. B. and M. Lyon. N. Y., 1970. Р. 161. Note 73.

³⁷ *Böhmer J.F., Mühlbacher E., Brühl C. et al. Die Regesten des Kaiserreichs unter den Karolingern, 751-918. Hildesheim, 1966 (Regesta Imperii, 1). Nr. 350e.*

³⁸ 170—266.

³⁹ *McCormick M. The Liturgy of War in the Early Middle Ages: Crisis, Litanies and the Carolingian Monarchy* // *Viator*. 1984. Vol. 15. Р. 1—23; *Goldberg E. „More Devoted to the Equipment of Battle than the Splendor of Banquets“: Frontier Kingship, Martial Ritual, and Early Knighthood at the Court of Louis the German* // *Viator*. 1999. Vol. 30. Р. 41—78.

⁴⁰ «Вытянутые буквы» — характерное письмо, использовавшееся в королевских и папских канцеляриях (*прим. переводчика*).

⁴¹ *Gotze J. Die Litterae Elongatae. Ein Beitrag zur Formengeschichte und Herkunft der mittelalterlichen Urkundenschrift* // *Archiv für Diplomatik*. 1965-1966. Bd. 11/12. S. 1—70.

⁴² *Grierson P.; Blackburn M. Medieval European Coinage. Cambridge, 1986. Vol. 1. Р. 208.*

⁴³ *Becher M. Eid und Herrschaft. Untersuchungen zum Herrscherethos Karls des Grossen. Sigmaringen, 1993 (Vorträge und Forschungen, Sonderband 39).*

⁴⁴ *McCormick M. The Liturgy of War...*

⁴⁵ *Liber Pontificalis. Т. 2. Р. 7. Строки 21—22: в храме св. Петра на Рождество: «Omnes iterum congregati sunt»* — ясное указание на то, что и ранее в базилике св. Петра

собирали «archiepiscopos, seu episcopos, abbates et omni nobilitate Francorum atque synclitu Romanorum», например: Р. 7. Строки 4—5.

⁴⁶ *Classen P.* Karl der Grosse, das Papsttum und Byzanz. Sigmaringen, 1984. S. 84.

⁴⁷ *Ibid.* P. 80—97.

⁴⁸ *Grierson P., Blackburn M.* Op. cit. P. 209—210.

Пер. с нем. М.А.Бойцова